

ное терновымъ вѣнцомъ, сверху находится четвероконечный крестъ съ надписью: І И С—Х Р С; кромѣ того, по обѣ стороны нарисовано по 2 ангела. Изъ лѣваго бока сердца течетъ кровь въ потиръ, стоящій нѣсколько ниже, какъ бы въ облакахъ. По правую сторону потира помѣщена надпись: „Пеликанъ птица себя не щадитъ: дѣтей своихъ питаетъ, да животъ имутъ“. Пovyше всего этого на бѣлой протянутой лентѣ надпись: „Іоаннъ (слѣдующее слово не разобрано) огня пройдохъ во вреши на землю хочу еще возгорится сердце мое о всѣхъ“. Въ срединѣ картины изображены крестъ, трость и копье пересѣкающимися. Въ мѣстахъ пересѣченія свито гнѣздо въ терновомъ вѣнцѣ, въ гнѣздѣ птица съ распущенными крыльями, подъ ней 3 птенца, на груди птицы три раны съ потоками крови. Вокругъ гнѣзда обвился змій съ краснымъ яблокомъ въ зубахъ. Внизу картины надпись: „Не ясыть сей отъ ребръ своихъ кровавыхъ и груди терзаетъ для дѣтей своихъ малыхъ, а болѣе Христосъ съ нами любовь явилъ, когда кровь свою для насъ всѣхъ пролилъ“. По свободнымъ мѣстамъ фона картины имѣются рисунки деревьевъ и какихъ-то неизвѣстныхъ растеній.

12. Заслужано сообщеніе В. Ястржембскаго о надписи на чашѣ, хранящейся въ церкви села Колонтаева Александрійскаго уѣзда, Херсонской губ. Надпись гласитъ: „Сооружилъ потиръ сей рабъ Божій Алексѣй Косьмина житель с. Колонтаева Симеону Петрову въ церковь для литургисанія Бжѣстной литургіи. 1747. а по случаю якого не дай Боже тревоги лѣбо чего иного, то щобъ намъ его взять къ собѣ въ домъ мой для сохрану“.

13. Постановлено: за всѣ свѣдѣнія и присылки выразить благодарность; г. Проскурникова—просить о присылкѣ вещей; просить—по поводу сообщенія г. Бранденбурга—Императорское Московское Археологическое Общество возбудить ходатайство о бесплатной пересылкѣ экспонатовъ на выставку по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ; монетныхъ коллекцій, кромѣ найденныхъ при раскопкахъ, не выставлать на выставкѣ.

Приложенія къ протоколу восемнадцатаго засѣданія.

I.

Докладъ В. Е. Данилевича.

„По поводу одного погребенія, вырѣзаннаго съ землей“.

Какъ въ заграничныхъ, такъ и въ русскихъ музеяхъ первобытныхъ древностей уже давно не ограничиваются собираніемъ однихъ только

древностей, но помещают планы, фотографіи и даже модели кургановъ и отдѣльныхъ погребеній, типичныхъ въ томъ или другомъ отношеніи. Конечно, это лучше поясняетъ назначеніе выставленныхъ въ музеѣ предметовъ, не говоря о томъ, насколько такіе снимки и модели погребеній способствуютъ уясненію погребальнаго ритуала и тѣхъ многочисленныхъ вопросовъ, которые тѣсно связаны съ послѣднимъ. Однако, такой способъ представленія погребеній имѣетъ и нѣкоторые недостатки: рисунки можно найти и въ любомъ общемъ курсѣ по исторической археологіи, а модели, много говоряція уму специалиста, не даютъ возможности составить достаточно ясное представленіе лицамъ, не обладающимъ специальными познаніями въ этой наукѣ, но желающимъ получить эти знанія въ музеѣ. Послѣднее обстоятельство заставило западно-европейскихъ археологовъ измѣнить постановку этого вопроса: они стали помещать въ музеи погребенія вмѣстѣ съ той землей, въ которой они были найдены, перевозить въ музеи дольмены и т. д.; такія погребенія имѣются въ музеяхъ Берлина и Пешта. И у насъ въ Артиллерійскомъ музеѣ въ Петербургѣ есть подобныя погребенія: нѣсколько лѣтъ тому назадъ завѣдующій музеемъ, генералъ Н. Е. Бранденбургъ, вырѣзалъ съ землею 2 погребенія и доставилъ ихъ въ музей, а въ истекающемъ году прибавилось къ нимъ и третье погребеніе. Первые два погребенія мнѣ удалось осмотрѣть въ бытность мою въ Петербургѣ. Этими предварительными замѣчаніями о назначеніи вырѣзки погребеній я позволю себѣ ограничиться, хотя и сознаю, что еще многое можно было бы сказать по этому вопросу. Перехожу теперь къ описанію вырѣзаннаго мною погребенія, способа самой вырѣзки и приведенія его въ порядокъ, оговорившись предварительно, что это только отчетъ о моихъ работахъ, а не рядъ какихъ либо руководящихъ правилъ, такъ какъ я занимаюсь этимъ дѣломъ въ первый разъ, это—мой первый опытъ.

При раскопкѣ рядовыхъ могилъ на земляхъ селъ Кириковки и Новой Рябины, на границахъ Ахтырскаго и Богодуховскаго уѣздовъ, я невольно поразился великолѣпной сохранностью костяка № 3 въ курганѣ № 8, найденнаго на глубинѣ 1 м. 72 см. Эта рѣдкая сохранность въ связи съ типичностью такого погребенія для Харьковской губерніи побудила меня вырѣзать его съ землею и перевезти въ музей изящныхъ искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ. Костякъ лежалъ на спинѣ, слегка склонившись на правый бокъ, головой на *S*, а ногами на *N*. Голова слегка приподнята, и вообще, по горизонтальному направленію костякъ спускался отъ головы къ ногамъ. Лицо его обращено на *O*. Правая рука вытянута, при чемъ кисть руки слегка согнута; лѣвая рука лежитъ на животѣ. Обѣ руки носятъ слѣды перелома костей,

получившагося, очевидно, послѣ погребенія. Ноги согнуты въ колѣняхъ; при этомъ въ лѣвой ногѣ сдвигъ костей, получившаяся также послѣ погребенія. Подъ костякомъ подсыпана зола тонкимъ слоемъ; у пальцевъ правой ноги кучка красной краски и такая-же кучка краски у локтя лѣвой руки. Такимъ образомъ мы имѣемъ одинъ изъ вариантовъ погребенія въ скорченномъ видѣ ¹⁾).

Такъ какъ вырѣзать его немедленно нельзя было по причинамъ, выясняющимся изъ дальнѣйшаго, то я покрылъ его листами оберточной бумаги въ 4 ряда и засыпалъ землей. Несомнѣнно, было бы лучше покрыть его пеленой изъ матеріи, такъ какъ при очисткѣ его въ музеѣ обнаружилось, что бумага сильно прилипла къ костямъ, и отдѣленіе ея отъ костей оказалось весьма труднымъ; но матеріи у меня не было подъ руками при раскопкѣ. Затѣмъ мною была заказана плотнику рама изъ досокъ въ $\frac{1}{4}$ вер. толщины; высота рамы— $\frac{1}{2}$ ар., длина— $2\frac{1}{2}$ ар., ширина— $1\frac{1}{2}$ ар. Дно и крышка для рамы были сдѣланы изъ такихъ же точно досокъ ²⁾). Самая вырѣзка началась съ того, что кругомъ того мѣста, гдѣ лежалъ костякъ, назначенный къ вырѣзкѣ, была проведена глубокая и настолько широкая траншея, чтобы въ ней могли свободно помѣститься по длинѣ дно и направляющіе его рабочіе. При этомъ траншея проводилась вокругъ костяка съ такимъ расчетомъ, чтобы костякъ съ землею, на которой онъ лежалъ, образовалъ столбъ, приблизительно, въ 1 ар. высоты, $2\frac{5}{8}$ ар. длинны и $1\frac{5}{8}$ ар. ширины. По двумъ послѣднимъ измѣреніямъ я увеличилъ столбъ земли противъ рамы, чтобы она надѣвалась потуже. Послѣ этого рабочіе подняли раму и наложили на упомянутый столбъ, при чемъ осаждали ее при помощи надавливанія сверху, а не ударами, чтобы не осыпалась земля. Когда рама была надѣта въ уровень съ поверхностью присыпаннаго землей погребенія, которое было скрѣплено теперь съ 4-хъ сторонъ досками, я приказалъ подсыпать земли столько, сколько потребовалось, чтобы заполнить пустоты, образовавшіяся на углахъ при накладываніи рамы, а также и для того, чтобы можно было утрамбовать землю. Когда земля была утрамбована настолько плотно, что не подавалась при нажимѣ рукой, я приступилъ къ прорѣзыванію погребенія снизу. Прорѣзываніе производилось по рамѣ самодѣльной пилой изъ проволоки: толстая проволока была сплетена вдвое такъ, чтобы на обоихъ концахъ образовались петли, въ которыхъ

¹⁾ Ср. Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. Спб. 1898, стр. 138—139 и таб. 1. Д. Я. Самокусовъ. Основанія хронологической классификаціи и каталогъ коллекціи древностей. Варш. 1892, стр. 7—8.

²⁾ Рама по угламъ была окована желѣзомъ.

были вставлены толстыя палки вмѣсто ручекъ. Подрѣзывали двое или четверо рабочихъ такъ, какъ пилятъ дрова. Одно и тоже мѣсто подрѣзывали по нѣсколько разъ, такъ какъ земля постоянно затягивала прорѣзанное пространство. Вслѣдъ за пилой, конечно, послѣ нѣсколькихъ прорѣзываній, рабочіе подводили 33-ти фунтовые листы желѣза, края которыхъ были загнуты и прибиты къ рамѣ, когда земля была прорѣзана подо всѣмъ ящикомъ и подъ него подвели желѣзо. Послѣ этого подъ желѣзо подвели деревянное дно, при чемъ земля подъ ящикомъ постепенно подкапывалась въ ширину дна. Когда было подведено и дно, землю въ ящикѣ снова утрамбовали въ уровень съ верхней частью рамы, набили крышку и свинтили ее съ дномъ при помощи длинныхъ и толстыхъ винтовъ, пущенныхъ сбоку рамы, такъ какъ инымъ способомъ скрѣпить дно съ рамой было невозможно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было наклонить ящикъ на бокъ или слегка поднять его, дѣлали это при помощи ломовъ и толстыхъ брусевъ.

Когда все было покочено съ ящикомъ, съ одной стороны могилы земля была снята такъ, чтобы образовалась покатость въ направленіе ящика. Затѣмъ подъ ящикъ подложили концы толстыхъ бревенъ, положенныхъ на указанной покатости вмѣсто рельсовъ, опутали ящикъ толстыми канатами и цѣпями и выволокли по бревнамъ на верхъ при помощи воловъ, при чемъ рабочіе ломами и брусями подталкивали ящикъ сзади. На верху подъ ящикъ по длинѣ его подложили два бревна, обрѣзанныхъ въ одномъ концѣ въ видѣ полозьевъ, скрѣпили ихъ досками, такъ что ящикъ оказался между досокъ, и на этихъ импровизированныхъ санихъ 6 паръ сементальскихъ воловъ доставили его на вокзалъ. Вотъ, все, касающееся вырѣзки костяка. Прибавлю къ этому, что въ музей поднимали его болѣе 20-ти человекъ въ теченіе 2 час.—съ 4 и до 6-ти по полудни; ящикъ вѣсилъ 67 пудовъ.

Въ музей ящикъ былъ вскрытъ мною и костякъ освобожденъ отъ покрывавшей его земли, послѣ чего рама была срѣзана до поверхности земли, на которой лежитъ костякъ. Послѣ этого кости были обмыты при помощи щетки, ваты и губки и покрыты лакомъ, чтобы предохранить ихъ отъ вліянія влаги, при чемъ въ отдѣлкѣ костяка мною руководилъ проф. М. А. Поповъ. Этимъ я и заканчиваю свое сообщеніе о вырѣзанномъ мною погребеніи, питая скромную надежду, что мои ошибки въ этомъ дѣлѣ будутъ исправлены другими и, такимъ образомъ, вопросъ о вырѣзкѣ погребеній мало по малу получитъ надлежащее развитіе.